

Почему мы так пренебрегаем своей истинной, небесной душой? Так ленивы и нелюбопытны, по пушкинскому выражению?..

Невыплаканный горечь земли звучит в поэзии и судьбе Ни-

ских. Это могло казаться пьяной истерикой. Тотемская сиротская провинциальность брала своё: встреча Земли с Небом, прозы с поэзией нередко в быту выливались у Рубцова в заурядный скандал. Рафинирован-

Веще сердце России поэт Николай Рубцов

колая Рубцова. Сиротство. Детский дом. Служба на Балтфлоте. Литературный институт. Книжка стихов. Обухом по голове оглушившая известность. Одинокая безытность среди шумных случайных компаний. И женитба как бы по оказии. Нелепая безвременная смерть. Вот путевые вехи его судьбы. Остальное – Поэзия.

Удел таких, как Рубцов, предрешён на Руси изначально. Мимолетный, словно через влажное стекло, лик мира преходящего, ускользающего из небытия в небытие. Русская душа, как никто, осязает непостижимо всю эту призрачную эфемерность земной жизни, поэтому человек здесь, а тем паче поэт, – так непостижимо для всего остального мира неоснователен и варварски небрежен в быту, не верит в мнимую вековечность земной тверди под ногами – ну хоть убей! Горемыкой считается такой всякому стороннему кривому взгляду, брошенному мимоходом.

Николай Рубцов – легенда русской поэзии второй половины XX века. Тип творца буквально нарицательный: в каждом городе есть свой Рубцов. Что же отличает его в бесконечном ряду многих? Что-то очень грустно-трагичное проступало во всём рубцовском облике – от вида поэта на любительских снимках порой шемдяне замирает сердце. Это по-житейски комичный, трогательный образ во всей своей потрясающей бесприютности и вообще безытности, которую Рубцов так неумело старался спрятать за своей разудалой бесшабашностью в кругу неизменных «товарищей на час». Он жил просто чудом, как чудом был замечен, по-настоящему открыт и призван к литературному бытию.

Трепетная внутренняя жизнь свойственна рубцовской стихотворной строке. Поэтическая фраза его подчас сродни в этом чуть осязаемом дыхании своём призрачному дуновению предрасветного ветерка. И эта воздушность поэтического звука бросает отблеск на всё в жизни и облике самого Николая Рубцова, необычайно светлом, иконописно-прозрачном в те редкие возвышенные, вдохновенные миги, когда замирает при встрече с неведомым и запредельным сама душа поэта. И плод, итог этой встречи – стихотворение. Вот это редкое стечение в человеческой жизни двух несопоставимых миров – Земли и Неба, которые ближе всего на заре, – представляет Рубцова чрезвычайно целостной натурой: экзотичной, взрывной, по-детски трогательно непосредственной. Другого такого в поэзии у нас ещё не было. «Тихая лирика», – так благословил поэта в путь его литературный Вергилий – Вадим Валерианович Кожин.

Трепетная муза Николая Рубцова с глазами пугливой, порывистой лани, благодатная доброта, тихим и тёплым светом мерцающая, словно свеча, в кристально-утренней бездонной глубине его стиха, – все эти надмирные свойства рубцовского дарования в своей высшей, божественной простоте были, конечно, недоступны никаким выпяренным изыскам изощрённой и пресыщенной столичной богемы. Но только такому, порубцовски акварельно-тонкому, стихийно-безыскусному, возвышенному и невеселому стиху, сотканному из неуловимых полутонов, одному и доступным неощутимым, запретным для косного и пошло-обыденного огульного людского слуха духовным веянием бесплотных небесных сфер. Рубцовский стих сродни иконописи Андрея Рублёва: оба глубоко приобщены русскому наитию небес. Сердце поэта само к себе прислушивается в тишине.

Ранимость беззащитной души странно сочетается у поэта со стихийной разудалостью безмерной русской природы. Редкой минут вдохновенной, целостной по высоте парения отрешённости от мира были отчаянные, страстные вспышки отщипания нелюдимой душой поэта лукавых, кривых и тёмных земных путей человече-

ное, пропитанное до мозга костей ханжескими условностями столичное общество внутренне претило поэту с душой, выкороченной из цельного куска вышней лазури. Но и на Вологодчине своей он, тронутый стилистическим глянцем известности, уже перестал быть своим. Так исподволь назревала трагедия, требовавшая в жизни развязки. И человек тут бесилен: он всего лишь персонаж трагикомедии, называемой жизнью.

Главное, никто, пожалуй, в рубцовскую пору с такой оострённой, даже воспалённой обнажённостью не принимал, как он, к самому сердцу Небесной Руси, нашей Духовной Родины. В свою очередь, никому она в ту пору так полнокровно, по-матерински, не открывалась, не принимала к груди с такой любовью и суровой лаской своей. Рубцов был Родине подлинно сотаинник, которому в минуты высших откровений поверяется многое. Отсюда роковые прозрения его о грядущих исторических судьбах России и сам её небесный запечатлённый образ в рубцовской поэзии.

В своей высокой бесприютности и безытности Рубцов как бы разлит по всей необъятной России. Вездесущ, как истинный

О направлениях мировоззрения Николая Рубцова, 75 лет со дня рождения которого отмечалось 3 января сего года, написано немало литературных статей, особенно после выхода сборника «Звезда полей» (1967) и после гибели поэта. Надо отметить статьи Анатолия Передереева (1967), Станислава Куняева (1968), Валерия Дементьева (1970), В.Оботурова (1974), Вик. Каратаева (1975), В.Кожина (1976), Ю.Селазнёва (1977).

О православном мировоззрении Н.М. Рубцова упоминали А.Романов, В.Бараков и Н.Коняев. Разные исследователи сообщали о присутствии в творчестве Рубцова то стихии ветра, то спектра цветовой красок (серой, светлой или чёрной), то тем дороги, то тем «тихой» лирики, то тем скрытой социальности (город – деревня), тем патриотизма. Это свидетельствует, преимущественно, о мировоззрении, литературной позиции и направ-

истории и им подобные видел я во сне в те же тёмные тотемские ночи, засыпая под заунывную песню ветра, свистящего в трубе».

Встреча с представителем иногородних сил упомянута у Н.Рубцова в стихотворении «Сказка-сказочка» (1960):

*Влетел ко мне какой-то бес.
Он был не в духе или пьян.
И в драку сразу же полез:
Повёл себя как хулиган.
.....
Он вдруг схватил мою гармонь.
Я вижу всё. Я весь горю.
Я говорю ему: – Не тронь,
Не тронь гармошку! – говорю.*

Многие читатели и друзья поэта принимали содержание этого стихотворения как бытовую шутку-сказку. Тем более, далее «бес от злости стал глупей и стал бутылки бить в улу». То есть картина казалась за-

фа соединяла сюжеты предыдущих. Лирический герой видит оптимистический путь: «буду до ночной звезды лодку мастерить себе».

Мистические картины наблюдает лирический герой Рубцова в программном стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Некоторые современники поэта буквально воспринимали текст этой строки. А Рубцов направлял внимание читателя на окружающее:

*И храм старины, удивительный,
белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих
померкших полей...
.....
Боюсь я, боюсь я, как волная
сильная птица,
Разбить свои крылья и больше
не видеть чудес!
.....
Боюсь, что над нами не будет
таинственной силы...*

Это прозрение будущих событий. Но ведь Рубцов не играл с потусторонними силами, он чувствовал преследование. А реальные факты были в буфетах ЦДЛ, в Москве в общежитии, в Вологде в застольях. Не случайный поэтический след по мотивам преследования оставил Н.М. Рубцов. И вышедшее в свет прозрение не означало стремление Рубцова к добровольному уходу, как пытался это обосновать Л.Дербина, убийца поэта.

Мистическое восприятие действительности роднит Рубцова с Гоголем, первым писателем, показавшим истоки дьявольских сил во всей их полноте.

Известно, что во время сдачи экзамена по русской литературе у Рубцова зашёл спор с преподавателем о высказываниях Николая Васильевича. Причём преподаватель сообщил, что если студент подтвердит мнение Гоголя, то ему поставят «отлично». Руб-

О мистическом мировоззрении Рубцова. Связь времён: Гоголь и Рубцов

ленности знаний конкретного критика, литературоведа, писателя, но не объясняет причины воздействия поэзии Рубцова на душу читателя, не раскрывает глубину поэзии Рубцова, не может быть принята в качестве всеобъемлющей достоверности. Поэзия Рубцова – это алмаз с великим множеством граней, которые невозможно разделить, не нарушив целостности восприятия. По мнению автора, кристаллической структурой творчества поэта (как многогранного алмаза) является мистическое восприятие окружающего мира, которое отразилось во многих его стихах и которое согласуется с православным, не декларированным мировоззрением Рубцова.

рисовкой поэта для эстрадного выступления.

В стихотворении «Видения в долине» (1960) Рубцов сообщает:

*И вижу я коней без седоков
С их суматошным криком
бестолковым...*

И далее известно:

*И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России...
Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И успокоюсь: глухо на лугу,
Траву жуят стреноженные кони.*

Конечно, «глухо на лугу» – жаргонное, бытовое, нелитературное сочетание слов в контексте вышеупомянутой строки. Позднее оно было заменено на «смирно на лугу». Мистическая картина, нарисованная Рубцовым, воспринималась в то время читателем как поиск поэтических образов. Но оказалась предвидением, поскольку превратилась к нашему времени в реальную. Представляется, что Рубцов видел тенденцию вымирания русского народа в стране.

В конце июня – начале июля 1962 года Николай Рубцов сформировал самиздатский сборник «Волны и скалы» и на несколько дней задержал выпуск. Создал стихотворение «Поэт», позднее отредактированное и названное «В гостях». Рубцов рисует видения:

*Трущобный двор.
Фигура на углу.
Мережит, что это Достоевский.
И ходит холод ветреный и резкий.
И стены погружаются во мглу.
Грантным громом
грануло с небес!
Весь небосвод в сверкании и блеске!
И видел я, как вздрогнул
Достоевский,
исчез.
Не может быть,
Чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И странный свет,
и грязные ступени,
И гром, и стены с четырёх сторон?!*

Практически каждый читатель в те бо-е атеистические годы 20-го века полагал, что это просто фантазия поэта. Но Рубцов с самого начала творчества писал по видимым им событиям. И не случайно затем:

*Я продолжаю верить в этот бред,
Когда в своё притонное жилище
По коридору,
в страшной темнотице,
Отдав поклон,
ведёт меня поэт...*

И далее от Рубцова – лирического героя следует:

В моей судьбе творились чудеса!..

Тогда, в эпоху материально безработной жизни, никто и не мог подумать, что Рубцов не фантазирует.

А Рубцов писал: «Я слышу звуки, которых не слышит никто». В стихотворении «Чудный месяц плывёт над рекою...» читаем:

*Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Всё звенят и звенят бубенцы...*

Стихотворение «В горнице» (первый вариант под названием «В звёздную ночь») написано в июле 1963 года. Отредактированный текст опубликован 31 октября 1964 года. Две строки подкорректированы в феврале 1967 года. Строфы самостоятельны по сюжету. Осмысление содержания каждой строки, мистического подтекста, скрытого за видимыми поэтом бытовыми картинками, требует неоднократного прочтения. Фактически только музыкальное решение текста позволило осознать народную философию стихотворения. 4-я стро-

фическое предупреждение каждому читателю, предложение оглянуться вокруг.

*И разбудят меня, позовут
журавлиные крики...*

И опять нельзя понимать буквально сообщение поэта. Речь идёт о пробуждении спящей души.

Примеры мистического восприятия явлений Рубцовым можно продолжить:

*И всё ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила...*

*И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё... (о поэзии)*

*И сыплет листья лес,
Как деньги медные, –
Спасибо, край чудес!
Но мы не бедные...
А чем утешены,
что лес покинули
Все черты, лешие
И все кикиморы?..*

*Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеётся во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...*

Особняком стоит «Вечернее прощание», случайная встреча с мистическим животным, лошадыо, в лесу:

*Мне лошадь встретилась в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
.....
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза...*

– Я слышу звуки, которых не слышит никто, – говорил поэт. Это уже выход на связь (непроизвольную и где-то бессознательную) с высшими силами. Философские размышления всё время владели поэтом.

*А вдруг он лопнет, этот мир?
.....
Но бригадир сказал: «Не лопнет!»
.....
На бригадира, как на бога,
Смотрел я после целый день.*

Некоторые воспринимали и воспринимали эти высказывания как неумную шутку со стороны поэта. А он ведь размышляет о космическом. Вдруг солнце красное – основа существования – зайдёт навсегда?

В стихотворении «Прощальная песня» (1965) поэт говорит:

*Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиной, куда ни пойдю,
Чей-то злой, наступающий топот
Всё мне слышится, словно в бреду.*

Это уже прямое сообщение о преследовании поэта со стороны мистических или даже реальных сил. И это не случайно.

Однажды Рубцов спросил собеседника: «Ты не знаешь, почему так много ворон в Вологде?» Собеседник не понял, рассмеялся. Поэт видел в окружающих явлениях множество знаков действия нечестных сил. В «Философских стихах» он предвидел:

*Когда-нибудь ужасной будет ночь.
И мне навстречу злобно и обидно
Такой бурян засыщит, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперёд,
Что счастье тот, хоть с ног его
сбивает,
Кто всё пройдёт, когда душа ведёт,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу
улыбнулись...*

цовой сбежал в библиотеку, нашёл нужный абзац и доказал свою правоту. Известно свидетельство М.Корякиной, жены В.П. Астафьева, о глубоком знании Рубцовым текстов Гоголя и чтении их наизусть.

В Вологде, в квартире Н.Рубцова на стене висели портреты Э.Хемингуэя и Н.В. Гоголя. После убийства поэта на полу обнаружен разбитый портрет Гоголя.

Всё это, так сказать, внешние признаки отношения Рубцова к национальному русско-славянскому писателю, фактически создателю нового художественного направления в русской литературе 19-го века.

Приведём следующие гоголевские литературоведческие высказывания: «Поэзия есть чистая исповедь души, а не порождение искусства или хотения человеческого; поэзия есть правда души, а потому и всем равно может быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишком высокая способность и даёт одним только всемирным гениям, которых появление слишком редко на земле; опасно и вступать на этот путь другому. Многие даже из первокласснейших талантов становились ниже себя, зашедши в область вымысла, но высоко возвышались даже и небольшие таланты, когда событиями собственной души своей были наведены на то, чтобы передать одну чистую правду души».

Особый интерес представляет стихотворение Н.Рубцова «Гоголь»:

*Горит вся жизнь. Горит весь труд.
Не шутка!
В минуту Гоголь обо всем забыл.
России стало холодно и жутко,
Когда он печь однажды затопил.*

*Горят, горят слова, прощаясь с ним.
Они кричат немymi голосами!
Он, озарённый пламенем своим,
Глядит в озон безумными глазами.*

*Никто же не проснулся, как нарочно!
Чужие люди... Так тому и быть.
Ах, если б мама, мама среди ночи
Камин бы не позволила топить.*

*Ах, если б мама... Или Пушкин близко.
Но никого. Один лишь в небе бог.
А на лице живые пляшут блики.
А Гоголь слаб. А Гоголь очень плох.*

*Ему осталось уповать на бога.
Зачем слеза? Вот разве труп стеречь.
Он знает: жить ему совсем немного,
И он спешит скорее душу сжечь.*

Это неизвестное стихотворение переписано автором у Н.В. Петровой, супруги Александра Петрова, литинститутского друга Рубцова. Вероятно, оно не прошло цензуру при издании сборника Рубцова или при попытке публикации в газете. Оно свидетельствует о том, как хорошо Рубцов знал творчество и обстоятельства жизни Гоголя, насколько глубоко переживал за душевные метания своего любимого писателя.

Актуально звучит в наше время и такое гоголевское высказывание:

«Нет, не Пушкин и никто другой должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли... свойства, обнаруженные нашими поэтами, есть наши народные свойства... поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это – огни, из него же истекающие, передовые вестники сил его... Другие времена несут и другие дела, иные задачи, а потому и не напоминают они уже никого из наших прежних поэтов. Самая речь их будет другая; она будет ближе и родственнее нашей русской душе: ещё в ней слышнее выступают наши народные начала».

Это предвидение гениального создателя духовно-психологического художественного направления в русской литературе вполне проявилось в творчестве народного поэта Николая Рубцова.

Александр СУВОРОВ

Юрий КИРИЕНКО-МАЛЮГИН